

Об еще одной «французской шалости» Баратынского: к истории стихотворения «Леда»*

Алина Бодрова (Москва, НИУ ВШЭ —
Санкт-Петербург, ИРЛИ)

В конце марта — начале апреля 1825 г., отвечая на письмо И. И. Козлова, Баратынский так писал о своем стихотворении «Елисейские поля», только что опубликованном в «Полярной звезде»¹: «„Элисейские поля“ писаны назад тому года четыре: это *французская шалость*, годная только для Альманаха»². Таковую авторскую характеристику с не меньшим основанием можно применить и к другому тексту, появившемуся в печати через некоторое время после «Елисейских полей», — стихотворению «Леда», увидевшему свет в четвертой части «Мнемозины»³. Обе эти «шалости» тесно связаны с французским поэтическим контекстом — «Елисейские поля», как показал И. А. Пильщиков⁴, опираются на известную элегию Э. Парни «Le Revenant», а «Леда» представляет собой вольный перевод одноименного стихотворения Парни⁵.

Французский источник «Леды» был назван еще В. П. Гаевским в 1863 г.⁶; последующие комментаторы уточнили характер работы Баратынского с оригиналом⁷. В интерпретации русского поэта «Леда» приобрела более яркий эротический колорит и утратила вступление и заключение, превращавшие галантную сценку в мифологическое пояснение, отчего лебеди были лишены сладкозвучного голоса. Ненадолго оставив вопрос о том, что могло определить выбор этого сочинения Парни и такой характер его обработки в конце 1824 — начале 1825 г., обратимся прежде всего к проблемам, которые традиционно интересовали комментаторов и исследователей Баратынского в связи с «Ледой», — проблемам текстологическим, связанным с историей публикации стихотворения.

В корпусе текстов Баратынского «Леда» стоит несколько особняком, а некоторые читатели-современники, вероятно, и не соотносили стихотворение, появившееся в «Мнемозине» под астрономом *****, с «певцом Пиров и грусти томной». Стихотворение было передано в печать в начале 1825 г. в разгар хлопот о долгожданном офицерском чине, который бы позволил финляндскому изгнаннику наконец выйти в отставку и вернуться к жизни в столицах⁸. По мнению многих друзей поэта, появление его имени в журналах в это время могло навредить делу о производстве⁹, а потому почти все сочинения Баратынского, выходившие зимой — весной 1825 г., опубликова-

* Приношу искреннюю благодарность всем участникам обсуждения одноименного доклада на Лотмановском конгрессе, много способствовавшего уточнению отдельных положений настоящей заметки. Особая признательность — Н. Г. Охотину, взявшему на себя труд прочесть рукопись статьи, за полезнейшие указания и замечания.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект 13-34-01235 (а2).

лись под разного рода криптонимами. Поэтому, по всей видимости, и тексты Баратынского в «Мнемозине» (помимо «Леды» в альманахе помещались отрывки из поэмы «Эда» и «Буря»¹⁰) были подписаны четырьмя звездочками.

В прижизненные книги стихов «Леда» не попала. Как указал Ю. Г. Оксман, основываясь на документах Главного цензурного комитета, в «Стихотворения Евгения Баратынского» 1827 г. «Леду» не допустил цензор И. М. Снегирев¹¹, который в свое время разрешил ее первую публикацию в «Мнемозине». Новые архивные данные позволяют думать, что запрещение «Леды» в тот момент не должно было показаться большой потерей Баратынскому, который и в 1825 г. недоумевал, каким неисповедимым образом цензура позволила его Леде «публично целоваться со своим лебедем»¹².

Первоначально «Стихотворения Евгения Баратынского» предполагалось напечатать в Петербурге при посредничестве А. А. Дельвига. 18 января 1827 г. в Главный цензурный комитет было подано его прошение о «дозволении к напечатанию» рукописи «под заглавием: Стихотворения Е. Баратынского»¹³, которая в тот же день была представлена к рассмотрению и определена в ведомство цензора П. И. Гаевского. 4 февраля 1827 г. Гаевский рукопись в целом одобрил, однако отметил к перемене и исключению отрывки и, вероятно, некоторые стихотворения целиком более чем на тридцати пяти (!) страницах из двухсот четырнадцати, составлявших рукопись сборника¹⁴. Драконовские придирки Гаевского, несомненно, заставили Баратынского забрать рукопись для доработки и/или нового представления уже в Московский цензурный комитет, где можно было рассчитывать на большую снисходительность цензоров, среди которых был лично знакомый Баратынскому Снегирев. На фоне претензий Гаевского требование Снегирева исключить единственно «Леду»¹⁵ должно было показаться небольшой жертвой. В собрание 1835 г. Баратынский уже и сам не стал включать давнюю «французскую шалость»¹⁶.

Отсутствие «Леды» в прижизненных печатных сводах лирики Баратынского и криптонимная публикация в «Мнемозине» позволили В. П. Гаевскому — впрочем, на не вполне ясных основаниях — предположить авторство Вяземского¹⁷. Однако за настоящего автора «Леды» вступился Н. В. Путята, давний друг Баратынского, в свое время способствовавший появлению публикации в «Мнемозине». Путята вспоминал, что в начале 1825 г., когда он отправился из Гельсингфорса в Москву, Баратынский послал с ним письмо «и разные написанные им в последнее время стихотворения, в том числе Бурю и Леду, к Кюхельбекеру, предоставляя ему сделать выбор из них для печати. <...> Вскоре после того появилась IV-я часть Мнемозины и в ней: Буря, отрывки из поэмы Эда и Леда, все без имени автора...»¹⁸. Свидетельство Путяты давало прочное основание для включения стихотворения в корпус текстов Баратынского, не было и сомнения в выборе источника текста: как следует из истории прижизненных публикаций, единственным авторитетным источником был и оставался текст «Мнемозины». Автографа «Леды» не сохранилось или он до сих пор не был

разыскан, нет копий этого текста ни в семейном архиве Баратынских, ни в архиве Путяты.

Такой случай был бы подарком для текстолога, если бы не дефектность публикации в «Мнемозине», где несколько слов в одной из финальных строк было заменено тире:

Он томно шею обвивает
 Вкруг шеи девы молодой;
 Его напрасно отклоняет
 Она дрожащею рукой:
 Он завладел — —
 Затрепетал крылами он,
 И вырывается у Леды
 И де<в>ства крик, и неги стон¹⁹.

Исследователи и комментаторы Баратынского не раз пытались угадать, какие слова оказались скрыты за этими целомудренными или, наоборот, нескромными тире.

В. Я. Брюсов, в 1914 г. публикуя «Леду» в антологии «Французские лирики XVIII века», смело восстанавливал пропуск следующим образом:

Его напрасно отклоняет
 Она дрожащею рукой;
 Он завладел. *В пылу победы*
 Затрепетал крылами он,
 И вырывается у Леды
 И девства крик, и неги стон²⁰.

В коньектурах, которые предлагались позднее, нельзя не увидеть воздействие поэтического авторитета Брюсова, с одной стороны, и некоторую логическую и синтаксическую несогласованность с текстом Баратынского, с другой. Так, С. Гардзонио восстанавливал варианты «И в знак победы» или «И в честь победы»²¹, А. А. Илюшин — «в громах победы»²², комментаторы второго тома «Полного собрания сочинений и писем» — «и в миг победы»²³. Но все эти коньектуры, как и брюсовская, направлены на обстоятельное уточнение последующего предиката (*Затрепетал крылами как?*), оставляя незаполненными семантические и синтаксические валентности предшествующего. *Чем завладел «лебедь страстный»* — так и остается неуточненным и неназванным, вероятно, за очевидностью общей картины. Однако с точки зрения синтаксиса и логики неполное предложение «*Он завладел» (а именно так получается из всех коньектур) невозможно даже в поэтическом языке.

Появлению убедительных коньектур не способствовал и типографский брак в оформлении пропуска. На первый взгляд кажется, что он обозначен одним длинным тире, однако, если сравнить, как выглядит этот знак в других текстах «Мнемозины», становится очевидно, что здесь два тире с про-

пуском пробела. На это обратили внимание комментаторы второго тома новейшего собрания сочинений Баратынского²⁴, но не сделали следующего предположения — что число поставленных тире, вероятно, должно было соответствовать числу пропущенных слов.

Между тем к такому выводу подталкивает оформление другой публикации Баратынского в той же книжке «Мнемозины». В помещенных прямо перед «Ледой» отрывках из поэмы «Эда» есть сходным образом оформленный пропуск — в описании счастливых мгновений любви Эды и гусара:

Когда ж подыметса луна
И дикой край под ней задремлет,
В приют укромной свой она
К себе — — его приемлет²⁵.

В противоположность случаю с «Ледой», восстановить эту купюру не составляет труда, обратившись к другим источникам текста «финляндской повести» Баратынского — ср. в первом полном издании «Эды»:

Когда ж подьемлетса луна
И дикий край под ней задремлет,
В приют укромный свой она
К себе *на одр* его приемлет²⁶.

Таким образом, и в тексте «Леды» за двойным тире скрывались *два слова*, одно из которых практически наверняка словоформа «победы», а другое, скорее всего, должно было быть прямым дополнением к сказуемому «завладел»...

К предпринятому пересмотру конъектур и уточнению истории текста «Леды» подтолкнула неожиданная архивная находка. В одном из дел Остафьевского архива (ныне — в РГАЛИ), содержащих разрозненные копии стихотворений А. С. Пушкина, был обнаружен полный список «Леды», с датой под текстом «14-го Генваря», который, в отличие от публикации в «Мнемозине», не содержит пропусков и купюр²⁷. Скорее всего, переписчиком стихотворения была В. Ф. Вяземская, однако ее русский почерк отличался неустойчивостью, что затрудняет однозначную атрибуцию. Рядом с «Ледой» находятся ранние списки пушкинского «Кинжала»²⁸ с пометами Вяземского, а также копия стихотворения «К морю»²⁹, рукой В. Ф. Вяземской, видимо, восходящая к утраченному автографу Пушкина, посланному в Москву осенью 1824 г.³⁰ для напечатания в той же четвертой книжке «Мнемозины». Копии этих пушкинских текстов, по праву считающиеся авторитетными, давно введены в научный оборот, но «Леда», никак не выделенная в архивном описании (по-видимому, из-за того, что авторство Баратынского в списке не отмечено, а у Пушкина также есть одноименное стихотворение), до сих пор внимания не привлекала.

Между тем в отсутствие иных источников текста, кроме печатного, список из Остафьевского архива имеет принципиальное значение для уточне-

ния истории текста «Леды». Наибольший интерес представляют, разумеется, кульминационные строки, которые читаются в этом списке следующим образом:

Его напрасно отклоняет
 Она дрожащею рукой:
 Он завладел путем победы;
 Затрепетал крылами он,
 И вырывается у Леды
 И девства крик, и неги стон.

Другие отличия списка от публикации в альманахе Кюхельбекера и Одоевского незначительны. Финальная строка дает правильное чтение: «И девства крик и неги стон», в то время как в основном тексте «Мнемозины» последний стих читался с контекстуально очевидной ошибкой: «И детства крик и неги стон», которая, хотя и была отмечена в списке опечаток³¹, затем воспроизводилась во многих авторитетных изданиях³². В ст. 41 отметим характерное отступление от нормативной орфографии (составлявшее в том числе устойчивую привычку Баратынского) — написание окончания прилагательного в родительном падеже единственного числа мужского рода: *-ова* вместо *-аго*. Наконец, новый вариант дает ст. 39:

	«Мнемозина»	Копия из Остафьевского архива
ст. 39	Меж тем, влечет ее ко берегу.	Меж тем манит, влечет ко берегу.
ст. 41	Устав, в тени густого древа	Устав, в тени густова древа
ст. 67	И детства крик и неги стон	И девства крик и неги стон

Палеографические особенности списка (отдельный листок, без водяных знаков и указания года в дате под текстом), а также отсутствие упоминаний о «Леде» в переписке Вяземских и их ближайшего окружения 1825—1826 гг. не позволяют сделать надежных выводов о происхождении списка и времени его создания. Основываясь на характере разночтений, можно лишь заключить, что копия едва ли могла быть сделана с публикации в альманахе (трудно допустить, что конъектура о «пути победы» — собственное изобретение переписчика, кем бы он ни был), значит, скорее всего, она восходит к другому источнику, отражающему, по всей видимости, авторскую редакцию.

Может быть, копия из Остафьевского архива сохранила тот текст, который Баратынский рассчитывал опубликовать в своем сборнике 1827 г., но который был исключен цензором Снегиревым (см. выше), — и тогда в разночтениях по отношению к «Мнемозине» нужно видеть позднейшую авторскую правку.

С другой стороны, не менее вероятно и обратная последовательность — что список восходит к доредакционной редакции «Леды», а публикация вышла позднее и отразила либо дополнительную правку Баратынского, либо неавторские вмешательства в текст (опечатки и цензурные поправки). В пользу последнего предположения может косвенно свидетельствовать опечатка «Мнемозины» в последнем стихе, а также само оформление пропуска в ст. 64³³.

В таком случае нельзя исключать даже, что и публикация, и копия Вяземских восходят к общему источнику — тому тексту, который Баратынский в конце января 1825 г. посылал в Москву Кюхельбекеру с отъезжавшим в столицы Путятёй³⁴. Оказавшись в Москве в первой половине февраля и не застав Кюхельбекера, Путятя, по-видимому, передал стихотворения для публикации Одоевскому, через которого стихотворение Баратынского могло стать известно и Вяземским³⁵.

Другим вероятным посредником мог выступить еще один финляндский приятель Баратынского, так же как и Путятя, адъютант Закревского — А. А. Муханов, с которым князя и княгиню Вяземских связывали знакомство и переписка и который весной 1825 г., в частности, пересылал через Вяземского стихотворения Баратынского для публикации в «Московском телеграфе»³⁶. Муханов, как и Путятя, сопровождавший Закревского в Петербург, имел возможность еще в Финляндии познакомиться с новейшими стихотворениями Баратынского, списки с которых могли быть у него под рукой и в столице.

Как бы в точности ни обстояло дело с происхождением остафьевской копии, ее текстологическая авторитетность не подлежит сомнению: это синхронный список, из близкого к Баратынскому круга, с максимальной вероятностью восходящий к авторской редакции.

Обратимся, наконец, к тому кульминационному образу, который обрел в остафьевском списке свое логическое и синтаксическое завершение, — строке о «пути победы».

Как показывает обращение к узусу XVIII — первой половины XIX в., «путь победы/побед» — устойчивая метафора, распространенная в поэтической речи. Свое происхождение этот общеевропейский топос ведет от латинских *via victoriae* / *iter victoriae*, перешедших затем в новые языки (ср. *chemin (voie) de victoire*, *path of victory* и т. д.). Не редкость этот образ и в русской поэтической традиции — ср. в «Орлеанской деве» Жуковского (опубликованной в 1824 г.) реплику Ла Гира, обращенную к Иоанне (действие II, явление IV):

Так, пролагай для войска *путь победы*;
Неси пред ним святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся³⁷,

а также в стихотворении «Вождю победителей» (1812):

О замыслы! о неба суд ужасный!
О хищный враг!.. и труд толиких лет,

И трупами усталный *путь побед*,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!³⁸

В числе других примеров приведем перевод отрывка из III песни Вергилиевых «Георгик» Раича, напечатанный в 1820 г. в «Вестнике Европы»:

На блещущих вратах по злату изваяю
<...>
Квирина грозный меч, кровавый брани след,
И величавый Нил, склонивший свой хребет
Под бремя кораблей, летящих в *путь победы*³⁹,

стихотворение Мерзлякова «Мячковский курган» (1805):

Се *путь* твоих побед;
Се путь к могуществу, к державе похищенной;
Се подвиг, счастью потомства посвященный⁴⁰,

фрагмент из поэмы С. А. Ширинского-Шихматова, «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807):

Так сонм россиян бранноносный
Дерзает в строгий *путь побед*;
Гнушаясь жизнью поносной⁴¹.

Ту же падежную форму, что и в «Леде», находим в чуть более позднем сочинении Д. Е. Кашкина «Солдатская песнь на взятие Варшавских укреплений», воспевающим подвиги Паскевича:

Уже с врагом на мере близкой,
Где раскаленна медь ревет;
Парк Артиллерии Российской
И разрушает и бьет.

Проломы стен *путем победы*,
Охотники кричат ура!
На приступ лезут, как и деды,
За Веру, родину, Царя⁴²!

К числу распространенных формул принадлежит и французский эквивалент «пути победы» — *le chemin (le passage) de (la) victoire / le chemin (le passage) du (de) triomphe*, часто в сочетании с глаголами 'открыть' (*ouvrir le chemin de (la) victoire*), 'проложить' (*(se) frayer le chemin de (la) victoire*), 'показать' (*montrer le chemin de (la) victoire*). Однако как русские, так и французские контексты в абсолютном большинстве случаев дают прямое употребление метафоры, описывающей возвышенные военные или духовные победы.

Необычна и глагольная сочетаемость в словоупотреблении Баратынского (*завладеть путем победы*), отличающемся синтаксической двойственностью. В контексте анализируемого описания подразумеваются, очевидно, объектные отношения: *завладеть (чем?) путем победы* (ср. *завладеть дорогой, мостом, городом*), однако то же сочетание в другом контексте может иметь и другую интерпретацию: *завладеть (как? каким образом) путем победы* (ср. *завладеть путем обмана*; т. е. указание на образ действия). Отметим также и слабую сочетаемость глагола *завладеть* ('захватить, подчинить себе'), со словом *путь*, требующим дополнительного определителя, — ср. «завладеть волжским путем». Вероятно, в данном случае образцом Баратынскому могло послужить французское словоупотребление — *prendre le chemin de la victoire*, где многозначный глагол *prendre* имеет значение, близкое к «завладеть», «захватить».

Осуществленный Баратынским перенос «высокой» батальной метафоры в сферу иных побед — любовных, основывается на традиционном уподоблении любовной страсти сражению (с устойчивой трактовкой финальной стадии соблазнения как любовного завоевания / триумфа⁴³) и на обценных коннотациях, свойственных отдельным компонентам словосочетания — как в русском, так и во французском языке: ср. эротическое значение глагола *завладеть* (*овладеть*), красноречиво подчеркнутое прочерками в альманашной публикации, а также вероятную параллель к «пути победы» (*chemin de victoire*) во французском обценном словоупотреблении, где для обозначения женского естества используется метафора, основанная на том же образе пути — *chemin du Paradis*⁴⁴.

Таким образом, выражение «завладел путем победы», само по себе довольно натянутое, могло интерпретироваться как обценный эвфемизм, который едва ли мог пройти через цензуру.

С наибольшей вероятностью, именно цензурное вмешательство обрекло исследователей Баратынского на долгие гадания, хотя нельзя, конечно, исключать, что появление двусмысленных и провоцирующих к нескромным догадкам графических знаков пропуска — не вынужденная цензурная замена, а намеренный литературный прием, придуманный автором или издателями «Мнемозины».

Характерно, что этот случай с «Ледой» не единственный, когда Баратынский стремился провести в печать сходное эвфемистическое описание, а цензура воспрепятствовала его появлению «на глаза читающей публики». Как известно из записи Баратынского на экземпляре «Эды и Пиров», принадлежавшем Вяземскому, а также из письма Дельвига к автору «Эды», во второй части поэмы по требованию цензуры был исключен следующий фрагмент:

Ему, злодею, в эту ночь
Досталась полная победа:
Чувств упоенных превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда⁴⁵.

Дельвиг так писал о его судьбе Баратынскому:

Четыре стиха, которые тебе кажутся очень нужными для смысла, выкинула цензура. Мы советовались с Жуковским и прочими братьями, и нам до сих пор кажется, что без них смысл не теряется, напротив, видно намерение автора дать читателю самому вообразить соблазнительную сцену всей поэмы⁴⁶.

Нельзя не обратить внимания на существенное сходство «соблазнительной сцены» «финляндской повести» с «Ледой»: налицо и созвучие имен героинь, и использование созвучной этим именам метафоры (Эда — Леда — победа). Но, как кажется, это сходство шире конкретной переключки: ведь при всей разности жанров и инструментовки в основе обеих «пьес» — сюжет о соблазнении невинности: постепенное завоевание хитростью и овладение «путем победы». Только в «Леде» это происходит в традиционных галантно-мифологических декорациях легкой поэзии, а в «Эде» тот же сюжет оправдан в раму тонких психологических подробностей, пришедших из прозы и аналитической элегии. Ср.:

«Эда»

Так мнит уж девица и вот
С одра тихохонько встает,
Ко двери с трепетом подходит,
И вот задвижки роковой
Уже касается рукой;
Вот руку медленно отводит,
Вот приближает руку вновь;
Железо двинулось: вся кровь
Застыла в девушке несчастной,
И сердце сжала ей тоска.
Тогда же чуждая рука
Дверь пошатнула: друг прекрасной,
Не бойся, Эда, это я!
И от смятенья дух тая,
Сама себя не разумея,
Девица бедная моя
Уже в объятиях злодея.
<Ему, злодею, в эту ночь
Досталась полная победа:
Чувств упоенных превозмочь
Ты не могла, бедняжка Эда.>⁴⁷

«Леда»

Выходит на берег она;
Устав, в тени густого древа,
На мураву ложится дева
На длань главою склонена.
Меж тем не дремлет лебедь страстной:
Он на коленях у прекрасной
Нашел убежище свое;
Он сладкозвучно вздыхает,
Он влажным клевом вопрошает
Уста невинные ее...
В изнемогающую деву
Огонь желанья прониц:
Уста раскрылись; томно клеву
Уже отвечает язык;
Уж на глаза с живым томленьем
Набросив пышные волосы,
Она нечаянным движеньем
Раскрыла все свои красоты...
Приют свой прежний покидает
Тогда нескромный лебедь мой;
Он томно шею обвивает
Вкруг шеи девы молодой;
Его напрасно отклоняет
Она дрожащею рукой:
Он завладел <путем победы,>
Затрепетал крылами он,
И вырывается у Леды
И девства крик и неги стон⁴⁸.

Работа над обоими произведениями велась практически параллельно, в конце 1824 — самом начале 1825 г. Как мы знаем из письма Баратынского А. И. Тургеневу, «Эда» была закончена не позднее середины 20-х чисел января 1825 г.⁴⁹, близким временем можно предположительно датировать и сочинение «Леды».

Учитывая такую хронологическую и тематическую близость обоих произведений, трудно удержаться от предположения, что в обращении Баратынского к «Леде» Парни сказался его опыт работы над «Эдой». В галантном рассказе Парни «певца финляндки молодой», вероятно, заинтересовал именно сюжет о соблазнении, сцена обольщения, которую Баратынский и перевел, опустив излишние в фабульном отношении преамбулу и иронически назидательное заключение.

Примечания

- ¹ Полярная звезда на 1825 год (ценз. разр. и ценз. билет 20 марта 1825 г.). С. 103–105.
- ² Цит. по: *Баратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов / Ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. М., 2002. С. 407 (курсив мой. — А. Б.). Обоснование датировки (март, после 29 — апрель, начало) см.: *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского* / Сост. А. М. Песков, подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998. С. 155 (далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Летопись*).
- ³ *Мнемозина*. Ч. IV. М., 1825 (ценз. разр. 13 октября 1824 г.; ценз. билет 2 июля 1825 г.). С. 221–223 [= 199–201]. Хотя цензорский билет был выдан еще в начале июля 1825 г., к подписчикам «Мнемозина» попала только в середине октября: «Мнемозина отстала во всех отношениях. Ей надлежало бы выйти в свет в Сентябре 1824, а она появилась в Октябре 1825 года» (*Северная пчела*. 1825. № 127. 22 окт. С. 1; см. также: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1825–1828 / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. С. 453).
- ⁴ См.: *Pilshchikov I. A.* On Baratinsky's «French trifle»: The Elysian Fields and its Context // *Essays in Poetics*. 1994. Vol. 19. № 2. Р. 63; *Баратынский Е. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 407, 411 (коммент. И. А. Пильщикова); *Пильщиков И. А.* О «французской шалости» Баратынского: («Элизийские поля»: литературный и биографический контекст) // *Тартуские тетради* / Сост. Р. Г. Лейбов. М., 2005. С. 55–81. Переключка начальных строк «Елисейских полей» со стихотворением Парни была отмечена В. Э. Вадуро — см.: *Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры*: Сб. / Сост. В. Э. Вадуро, вступ. ст. и коммент. В. Э. Вадуро, В. А. Мильчиной. М., 1989. С. 612.
- ⁵ Стихотворение Парни «Léda» было впервые опубликовано в его сборнике: *Chansons madécasses, traduites en françois, suivies de poésies fugitives; Par M. le Chevalier de P....* . Londres, 1787. Р. 44–50.
- ⁶ *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. [Гл.] I–II // *Современник*. 1863. Т. 97. № 7. Отд. I. С. 175.
- ⁷ См.: *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / Ред., коммент. и биографич. статья Е. Куприяновой и И. Медведевой. Вступ. статья Д. Мирского. [Л.], 1936. Т. II. С. 288 (Б-ка поэта. Большая серия); *Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры*. С. 619–620.
- ⁸ О деятельном участии в судьбе Баратынского А. А. Закревского, Д. В. Давыдова, А. И. Тургенева в начале 1825 г. см.: *Летопись*. С. 150–157.

- ⁹ Ср. настойчивое предупреждение Тургенева в письме к Вяземскому от 15 марта 1825 г.: «Ни в скобках, ни под пиесой, ни под титлами, ни in-extenso имени его подписывать не должно. Скоро может решиться его участь» (Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. С. Д. Шереметьева; под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1903. Т. III. С. 106).
- ¹⁰ Мнемозина. Ч. IV. С. 214–215 [= 192–193], 216–220 [= 194–198].
- ¹¹ Оксман Ю. Г. Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре // Литературный Музеум (Цензурные Материалы I^{го} отд. IV секции Государственного Архивного Фонда). Пг., [1922]. [Т.] 1. С. 339.
- ¹² Ср. слова поэта в письме к Путятя весны 1825 г.: «Московская Цензура либо невинна как пятилетняя девочка, либо весела как пьяная сводня: можно-ли позволить напечатать такую непристойную пьесу <sic!> как Леда! Неужели Одоевской вытиснула под ней мое имя? Сохрани Боже! мне не льзя будет показать глаз читающим дамам. Пиши после этого! Леда моя публично целуется со своим Лебедем, а буре шуметь не позволено [первоначально „Буря“ не была пропущена цензурой, о чем Путятя, видимо, сообщил Баратынскому, как и А. А. Муханову (письмо к последнему от 9 марта см.: Летопись. С. 153). — А. Б.]. Непоспешимы судьбы твои о цензура Русская» (цит. по автографу: РГАЛИ. Ф. 394. Оп. 1. № 80. Л. 11 об.—12; авторская датировка письма 29 марта, видимо, ошибочна, и написано оно уже в середине — конце апреля; см. Летопись. С. 157).
- ¹³ Прошение Дельвига было составлено, согласно дате на нем, 16 января (см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. № 608. Л. 11; опубликовано: Дельвиг А. А. Сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуро. Л., 1986. С. 323).
- ¹⁴ Сведения по «Реестру рукописей и книг, поступивших в комитет на рассмотрение» за 1827 г. (курсивом выделены заглавия граф): «Время вступления: Января 18. — Название рукописи: Рук<опись> Стихотворения Евгения Баратынского. — Число страниц: 214. — Имя цензора: Гаевский — Вся ли рукопись или книга одобрена или запрещена; время одобрения; ссылка на цензорские дозволения; ссылка на цензорские донесения: одоб<ена> 4 Февр. 1827 за отметкою <?> мест к перемене и исключению на стр<аницах> 6, 28, 32, 38, 41, 42, 43, 44, 48, 73–77, 78, 102, 107, 108, 111, 112–115, 117, 122, 126, 130, 149, 150, 151, 152, 161, 162, 163, 172, 176, 177, 184» (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 194. Л. 3 об.—4). Сведения о неудачном представлении «Стихотворений Евгения Баратынского» в петербургскую цензуру, к сожалению, не были выявлены при подготовке обобщающей справки об издании 1827 г. (Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. С. 462–464).
- ¹⁵ Вероятно, Снегирев предлагал какие-то еще мелкие поправки, оказавшиеся приемлемыми для автора, — см. запись в дневнике Снегирева от 27 марта 1827 г.: «После обедни ранней в своем приходе, занимался дома; <...> с Баратынским поправил отмеченное мною в его сочинениях» (ПД. Ф. 361. № 64. Л. 90 об.).
- ¹⁶ В цензурных материалах, относящихся к изданию 1835 г., нет никаких сведений о том, что поэт рассчитывал включить в этот сборник «Леду», — см.: Оксман Ю. Г. Стихотворения Евгения Баратынского в цензуре: Выписка из журнала заседаний СПб. Цензурного Комитета 14 марта 1833 г. С. 15–17, 336–338.
- ¹⁷ См.: «...Позднейшее подражание этому стихотворению [„Léda“ Парни] напечатано в „Мнемозине“ 1824 г. <...> (ч. IV, стр. 221), без подписи, и принадлежит князю Вяземскому» (Гаевский В. П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения. С. 175).
- ¹⁸ Путятя Н. О стихотворении Баратынского: «Леда» // Русский архив. 1864. № 5–6. Стлб. 675. Сведения Путятя подтверждаются письмом Баратынского к Кюхельбекеру от конца января 1825 г.: «Милый Вильгельм, письмо это тебе доставит Николай Васильевич Путятя <...>. Мы вместе жили в Гельзингфорсе более двух месяцев <...> Посылаю тебе кое-что для твоего журнала; послал бы более, ежели б имел, но чем богат, тем и рад...» (Русская старина. 1875. № 7. С. 377; Летопись. С. 149. Автограф: РГАЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 7. Л. 1–2 об.).

- ¹⁹ Мнемозина. Ч. IV. С. 222–223.
- ²⁰ Французские лирики XVIII века: Сб. переводов / Сост. И. М. Брюсова, под ред. и с предисл. В. Брюсова. М., 1914. С. 120.
- ²¹ Carzonio S. Una congettura testuale a proposito della «Leda» di Baratynskij // Carzonio S. Gli orizzonti della creazione: Studi e schede di letteratura russa. Bologna, 1992. P. 55–57.
- ²² Такая конъектура была предложена на одном из семинаров по истории русской литературы на филологическом факультете МГУ.
- ²³ Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823–1834 годов / Ред. О. В. Голубева, А. Р. Зарецкий, А. М. Песков. М., 2002. С. 111.
- ²⁴ Там же. С. 110.
- ²⁵ Мнемозина. Ч. IV. С. 218.
- ²⁶ Эда, финляндская повесть, и Пиры, описательная поэма, Евгения Баратынского. СПб., 1826. С. 30–31.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5549. Л. 5–6 об.
- ²⁸ Там же. Л. 13–13 об., 14–14 об.
- ²⁹ Там же. Л. 7–8 об.; заглавие «Морю».
- ³⁰ Стихотворение «К морю» было послано Пушкиным Вяземскому при письме от 8 или 10 октября 1824 г.: «Посылаю тебе маленькое поминанье за упокой души раба Божия Байрона...» (Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 17 т. Т. 13. М.; Л., 1937. С. 111).
- ³¹ См.: Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 111.
- ³² Ср.: Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. Т. 1. СПб., 1914. С. 77; Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Ред., коммент. и биографич. статья Е. Купреяновой и И. Медведевой. Т. 1. С. 292; Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Н. Купреяновой. Л., 1957. С. 108 (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Боратынский Е. А. Стихотворения; Поэмы / Изд. подг. Л. Г. Фризмана. М., 1982. С. 327 (Литературные памятники). В то же время в ряде изданий Баратынского предлагалась соответствующая смысловая конъектура (впрочем, в примечаниях не оговоренная): Боратынский Е. А. Стихотворения / Сост., послесл. и примеч. С. Г. Бочарова. М., 1976. С. 92; Боратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Е. В. Невзглядовой и Л. Г. Фризмана. Сост., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана. СПб., 2000. С. 290 (Новая Б-ка поэта). Ср. также: Мерлин В. Ошибки замечай // Литературная учеба. 1986. № 4. С. 197 (предложена смысловая конъектура, без ссылки на список опечаток «Мнемозины»); Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 112.
- ³³ Ср., например, оформление еще одной, помимо отмеченной выше, купюры в публикации «Отрывков из поэмы: Эда» — после стиха «И долго слышен детской смех» поставлена строка точек, к которой сделана сноска: «Точки поставлены самим сочинителем» (Мнемозина. Ч. IV. С. 217).
- ³⁴ См. цитированный выше фрагмент из письма Баратынского Путяте от начала апреля 1825 г. и заметку последнего об истории публикации «Леды».
- ³⁵ Знакомство Баратынского с Вяземским состоялось, вероятно, летом 1825 г. в Петербурге (см. *Летопись*. С. 160) или осенью того же года в Москве, а самое раннее письмо Баратынского к нему относится только к началу декабря 1825 г. (Там же. С. 168). Таким образом, текст «Леды» не мог попасть к Вяземскому напрямую, от самого поэта.
- ³⁶ См. письмо А. А. Муханова Вяземскому от 25 апреля 1825 г. из Петербурга: «<...> Посылаю вам при сем, любезнейший Князь, стихи Баратынского, которые прошу отдать для напечатания в Телеграфе не подписывая его имя. <...> Вот стихи: — К ..... — Как много ты, в немного дней ~ И как Русалка ты хочешь! — Е. Б..... — Финляндия

- 1825» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5084. Л. 79–90; сердечно благодарю С. И. Панова за указание на это письмо Муханова). Копия Муханова (не введенная в научный оборот) не содержит разночтений по отношению к известному тексту «Как много ты в немного дней...», однако сам факт планировавшейся (но не осуществленной, вероятно, по цензурным причинам) публикации в «Московском телеграфе» существенно дополняет историю этого стихотворения Баратынского. Весьма вероятно, что именно Муханов передал в печать и обращенное к нему стихотворение «Запрос М-ву» («Что скажет другу своему...»), появившееся в «Московском телеграфе» в мае 1825 г. (см.: *Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 119*).
- 37 *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2011. Т. 7: *Драматические произведения* / Изд. подг. О. Б. Лебедевой. С. 280.
- 38 *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. М., 1999. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 годов / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 246.
- 39 *Раич [С. Е.]* Из III песни *Виргилиевых Георгик* // *Вестник Европы*. 1820. Ч. 110. № 6. С. 110 (подпись: А. Раич).
- 40 *Мерзляков А. Ф.* Стихотворения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. Л., 1958. С. 236 (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
- 41 Цит. по: *Поэты 1790–1810-х гг.* / Вступ. ст. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биографич. справки и примеч. М. Г. Альтшуллера, Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 367 (Б-ка поэта. 2-е изд.).
- 42 *Сочинения Дмитрия Кашкина. Т. 1. М., 1836. С. 379.*
- 43 См., например, знаменитый монолог мольеровского Дон Жуана (действие I, явление II), построенный на развернутой метафоре обольщения-завоевания: «Quoi! tu veux qu'on se lie à demeurer au premier objet qui nous prend, qu'on renonce au monde pour lui, et qu'on n'ait plus d'yeux pour personne? <...> Non, non, la constance n'est bonne que pour des ridicules <...> tout le plaisir de l'amour est dans le changement. On goûte une douceur extrême à réduire par cent hommages le cœur d'une jeune beauté; à voir de jour en jour les petits progrès qu'on y fait; à combattre par des transports, par des larmes, et des soupirs, l'innocente pudeur d'une âme qui a peine à rendre les armes; à forcer pied à pied toutes les petites résistances qu'elle nous oppose; à vaincre les scrupules, dont elle se fait un honneur; et la mener doucement où nous avons envie de la faire venir. Mais lorsqu'on en est maître une fois, il n'y a plus rien à souhaiter; tout le beau de la passion est fini, et nous nous endormons dans la tranquillité d'un tel amour, si quelque objet nouveau ne vient réveiller nos désirs, et présenter à notre cœur les charmes attrayants d'une conquête à faire. Enfin, il n'est rien de si doux que de triompher de la résistance d'une belle personne; et j'ai sur ce sujet l'ambition des conquérants, qui volent perpétuellement de victoire en victoire, et ne peuvent se résoudre à borner leurs souhaits. Il n'est rien qui puisse arrêter l'impétuosité de mes désirs, je me sens un cœur à aimer toute la terre; et comme Alexandre, je souhaiterois qu'il y eût d'autres mondes, pour y pouvoir étendre mes conquêtes amoureuses» (*Oeuvres de J. B. Poquelin de Molière. Édition stéréotypée, D'après le procédé de Firmin Didot. Paris, 1813. Т. III. Р. 212–213*). — «Как? Ты хочешь, чтобы мы привязывались к первой пленившей нас женщине и оставались при ней, отказавшись ради этого от всего на свете, ко всему остальному сделавшись слепыми? <...> Нет, нет; постоянство годится только для чудачков <...> все наслаждение любви заключается в перемене. Испытываешь крайнюю сладость от того, что сотней различных услуг смягчаешь сердце юной красавицы, со дня на день наблюдаешь постепенные успехи, преодолеваешь посредством восторгов, слез, вздохов невинную стыдливость души, которая одно за другим слагает свое оружие, шаг за шагом берешь с бою мелкие препятствия, которые она нам противопоставляет, побеждаешь угрызания совести, которыми она гордится, и незаметно приводишь ее туда, куда ты хотел ее заставить придти. Но раз уже ты сделался господином, тебе ничего больше не остается ни говорить ни желать; вся красота страсти окончена, и ты засыпаешь в спокойствии подобной любви, если только какой-нибудь новый предмет не явится пробудить твои желания и не представит твоему сердцу привлекательных прелестей предстоящего завоевания. В конце концов нет ничего слаще, как одержать победу над сопротивлением прекрасной женщины, и в этом

отношении я питаю тщеславие завоевателей, которые все время летят от победе к победе и не могут решиться положить предел своим желаниям. Нет ничего, что могло бы остановить напор моих желаний; я чувствую, что сердца у меня хватит на любовь ко всему миру, и я, как Александр, хотел бы, чтобы существовали другие миры, чтобы быть в состоянии на них распространить мои любовные завоевания» (перевод М. А. Кузмина; цит. по: *Мольер. Собрание сочинений: В 4 т. / Под ред. А. А. Смирнова, С. С. Мокульского. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 499–500*).

- ⁴⁴ См., например: *Delvaux A. Dictionnaire érotique moderne. Paris, 1850. P. 94*.
- ⁴⁵ Экземпляр «Эды и Пиров», с чернильными поправками Баратынского, подаренный Вяземскому и хранившийся в Остафьевской библиотеке, был введен в научный оборот В. С. Нечаевой (*Нечаева В. Из архива Баратынского. Остафьевский экземпляр сочинений Баратынского и история одного литературного мотива // Утренники. Кн. I. Пг., 1922. С. 66–71*). Ныне он хранится в Музее книги Российской государственной библиотеки: шифр МК XII.А.7/8; инв. МК IV – 6210. Приведенные строки записаны на нижнем поле с. 25.
- ⁴⁶ Цит. по: *Летопись. С. 178*.
- ⁴⁷ Эда, финляндская повесть, и Пирры, описательная поэма, Евгения Баратынского. С. 25. Последние четыре строки восстановлены по экземпляру из Остафьевской библиотеки (см. выше).
- ⁴⁸ Мнемозина. Ч. IV. С. 222–223.
- ⁴⁹ См. в письме от 25 января 1825 г., при котором Тургеневу был послан полный текст «Эды»: «Препровождаю при сем стихотворную повесть, о которой упоминал я в одном из моих писем. Ежели вы оцените не произведение, а чувство, с которым я приношу его вашему превосходительству, вы будете довольны мною и примете благосклонно этот незначительный памятник живой моей благодарности» (*Летопись. С. 150*).

ЛОТМАНОВСКИЙ
СБОРНИК

4

О·Г·И
Москва 2014